

А. А. Евгеньев**Археология в Оренбуржье в начале 1920-х годов**

В статье рассматриваются состояние изучения археологии в Оренбуржье в начале 1920-х гг., а также проблемы археологической деятельности Общества изучения Киргизского края, исторического и археологического образования в рамках Оренбургского отделения Московского археологического института, сложности раздела музейных фондов после переноса столицы КАССР из Оренбурга. В научный оборот введены ранее не опубликованные архивные материалы, характеризующие противоречивость и организационные сложности исторических и археологических исследований на Южном Урале в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: археология, история археологии, археологическое образование, Московский археологический институт, Общество изучения Киргизского края, Оренбургский краеведческий музей, Киргизская АССР.

В последние десятилетия в археологической науке заметное место стала занимать история археологии. В рамках этого направления можно говорить об изучении институциональной истории археологии, социальной истории археологии, истории отдельных персоналий археологической науки и, безусловно, региональной истории археологии. В настоящей статье предпринимается попытка совместить все названные подходы: рассмотреть в развитии историю археологической науки, связанных с ней организаций и персоналий в пределах отдельно взятого региона — степного Оренбуржья и в рамках ограниченного хронологического интервала — первой половины 1920-х годов.

Статья освещает слабоизученный в истории южноуральской археологии период начала 1920-х годов, когда Оренбург (вплоть до 1925 г.) был столицей новообразованной Киргизской АССР. Предмет рассмотрения — археологическая деятельность в пределах границ нового территориального образования, впрочем в силу недостаточного финансирования не выходящая за пределы Оренбуржья. Работы на западе современной территории Оренбургской области, на тот момент Самарской губернии, проводимые в эти же годы В. В. Гольмстен, здесь не рассматриваются, к тому же они достаточно подробно освещены в другой нашей публикации [12]. В задачи нашего исследования входит выявление институтов, с деятельностью которых связана постановка археологической проблематики на Южном Урале, и всестороннее изучение этой деятельности, выяснение основных организационных проблем, затруднявших развитие археологической науки в регионе в указанный период.

После революции 1917 г. сворачивается деятельность научных обществ на Южном Урале, в частности Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), которая в начале XX века являлась местным центром изучения истории и археологии Оренбургской губернии. Власть в Оренбурге неоднократно менялась, вплоть до окончательного установления советской власти в 1919 г. Связанные с этим политическая и социальная нестабильность и разруха никоим образом не способствовали какой бы то ни было научной деятельности. Многие исследователи, работавшие в рамках Архивной комиссии, покинули территорию губернии или оставили научные занятия. В итоге к началу 1920-х годов исторические и археологические исследования на Южном Урале необходимо было начинать с нуля, привлекая принципиально новые кадры.

Персоналии. К началу 1920-х гг. степное Оренбуржье практически лишилось кадров, которые проводили археологические изыскания в дореволюционный период. Еще

© Евгеньев А. А., 2019

в начале XX века по тем или иным причинам покинули губернию И. А. Кастанье и А. Л. Аниховский. В 1918 г. уехал из Оренбуржья многолетний председатель ОУАК А. В. Попов [13, с. 142]. «Последним из могижан», являвшим собой преемственность между ОУАК и новыми научными обществами, оказался *Арман Петрович Гра* (1872—1922). В начале XX века он был преподавателем французского языка Неплюевского кадетского корпуса, действительным (с 1914 г. почетным) членом ОУАК, ее библиотекарем. После революции продолжал преподавательскую и научную деятельность уже в рамках новообразованных учреждений вплоть до своей смерти в декабре 1922 г. [22, с. 6].

Ведущую роль в организации научных исследований в Оренбуржье в начале 1920-х гг. сыграл *Александр Петрович Чулошников* (1894—1941). Ученый, окончивший в 1916 г. историко-филологический факультет Петроградского университета, в Оренбурге оказался в 1919 г., с тем чтобы возглавить историко-статистический отдел при Киргизском военном комиссариате [1, с. 40—41]. Несмотря на то что пребывание Чулошникова в Оренбуржье оказалось краткосрочным — уже в 1921 г. он вернулся к работе в Петрограде, — именно он стоял у истоков создания ключевых научных учреждений КАССР, о которых речь пойдет в дальнейшем.

О жизни *Александра Лаврентьевича Мелкова* (1887—1930) до его появления в Оренбурге известно мало. Версия о том, что он окончил Оренбургское отделение Московского археологического института, высказанная В. А. Прищеповой, введшей в научный оборот его архив фотоматериалов [23, с. 173], ошибочна; иных сведений о его образовании у нас нет. В 1919—1920 гг. Мелков работал сотрудником Отдела народного образования ВРК по управлению Киргизским краем и руководителем музейного отдела (секции) НКП, в дальнейшем возглавлял этнографическое отделение Общества изучения Киргизского края (ОИКК) и Оренбургское отделение Московского археологического института, был представителем ОИКК в Центральном бюро краеведения. А. Л. Мелковым и его супругой за время работы в Оренбуржье были получены значительные коллекции по этнографии казахского народа, частично опубликованные. Жизнь Мелкова завершилась трагически: в 1930 г. он был репрессирован и приговорен к высшей мере наказания [23, с. 173—174].

Общество изучения Киргизского края. В январе 1920 г. стараниями А. П. Чулошникова при отделе народного образования ВРК была образована Ученая комиссия, в число задач которой входило «составление инструкций по архивному делу и спасение памятников старины, программы для собирания этнографических материалов» [26, с. 42]. Однако, по признанию самих членов Ученой комиссии, научная деятельность не могла регламентироваться жесткими рамками административных структур: «Наука всегда стремилась быть свободной, и работа ученых только тогда может плодотворно развиваться, когда ее не будут стеснять всевозможные требования и ограничения чисто административного, чиновничьего характера» [17, с. 99]. Именно поэтому, принимая во внимание опыт дореволюционных общественных научных организаций, местные краеведы решили организовать научное общество, «где каждый член, интересующийся той или другой областью науки, мог бы свободно... прилагать свой труд, свои знания, свои умения к изучению далеко еще не изученного и не обследованного Киргизского края» [там же]. Его решили назвать Обществом изучения Киргизского края¹.

¹ Необходимо пояснить, что казахов в Советской России вплоть до 1925 г. называли по дореволюционной традиции киргизами. Соответственно названы были и Киргизская ССР, и Общество изучения Киргизского края. В данном случае под «киргизским» понимается «казахский». В то же время мы не склонны поддерживать встречающуюся в некоторых казахских изданиях тенденцию к «переименованию» реалий 1920-х годов. Так, например, в работе Ж. С. Есеналиной ОИКК названо «Обществом изучения *Казахского* края» [15].

Учредительное заседание ОИКК, на котором присутствовало 38 членов нового общества, состоялось 15 октября 1920 г. в здании бывшего Офицерского собрания (ныне пер. Каширина, 31), а уже 1 ноября Общество было зарегистрировано Научным отделом Кирнаркомпроса. При этом ОИКК провозгласило себя прямым преемником ОУАК и Оренбургского отдела ИРГО вплоть до возобновления их деятельности [17, с. 99—100]. Соответственно в распоряжение ОИКК поступила и обширная библиотека этих обществ, которая в дальнейшем была упорядочена. После закрытия Оренбургского отделения Московского археологического института в 1922 г. А. Л. Мелков выхлопотал у Академического центра Кирнаркомпроса разрешение на передачу в пользу ОИКК библиотеки института, и «общество получило библиотеку, состоящую более чем из 5000 томов, 5 библиотечных шкафов, одну пишущую машинку, проекционный фонарь и 4 электрические лампочки» [18, с. 184].

Главной задачей ОИКК являлось «всестороннее изучение вопросов, касающихся киргизской народности» (в том числе и за пределами Кирреспублики), главным образом по трем направлениям, которым соответствовали три отдела (секции): историко-археологический, этнографический и естественно-географический. Секции собирались редко из-за загруженности службой членов ОИКК. Поэтому руководство работой ОИКК осуществляло Правление, избираемое сроком на один год. В первый состав Правления вошли А. П. Чулошников (председатель), А. П. Гра (товарищ председателя), И. М. Расторгуев (секретарь), А. П. Лошкарев (библиотекарь), М. Г. Сириус (казначей) [17, с. 100—101]. В дальнейшем при Обществе были открыты отделения в Кустанае, Уральске и Урде, однако связь с ними Правление поддерживало слабо.

Историко-археологический отдел ОИКК (заведующий А. П. Чулошников) ставил перед собой следующие задачи: «...работу по археологии края, раскопкам имеющихся в степи курганов... собрать и систематизировать литературу, касающуюся археологии и истории края, составить археологическую карту» [17, с. 107]. В связи с отъездом Чулошникова из Оренбурга новым заведующим отдела 7 мая 1922 г. избрали А. П. Гра, который исполнял эти обязанности вплоть до кончины 31 декабря 1922 г. [18, с. 183]. В 1923 г. историко-археологический и этнографический отделы объединили в историко-этнографический, его возглавил С. М. Петров [19, с. 1].

Главной проблемой ОИКК вполне ожидаемо стало плохое финансирование. Начиная с первого года работы Общества из-за отсутствия денежных средств полевые экспедиции не проводились, работа осуществлялась «в форме докладов». Благодаря стараниям А. Л. Мелкова удалось получить от Академического центра Кирнаркомпроса средства на издание «Трудов» ОИКК [18, с. 184], однако большинства проблем это не решило. Поэтому в отчетах о работах Общества в порядке вещей была формулировка: «за полным отсутствием средств не было организовано ни отдельных лекций и курсов, ни научных съездов» [19, с. 3]. По причине отсутствия средств не было и необходимого полевого оборудования для проведения археологических и естественнонаучных исследований, при этом деятели ОИКК отдавали себе отчет в том, что проблему эту невозможно решить и при наличии денежных средств: «...многого нельзя достать ни за какие деньги не только в Оренбурге, но и в центре, и нужды эти естественно пройдут сами собою по мере того, как будет ликвидироваться наша хозяйственная разруха и промышленная разруха» [18, с. 191].

В столь плачевных условиях работа историко-археологического (а с 1923 г. — историко-этнографического) отдела ОИКК в области археологии не выходила за рамки деклараций. Единственным свершением ОИКК в области археологии, по сути, стала небольшая статья А. Л. Мелкова «Заметки о курганах», в которой были сообщены предельно

общие сведения о курганах Тамаруткульской и Тастюбинской волостей — расположение, размеры, наличие следов грабительских раскопок [16]. На 1925 г. планировалось «производство раскопок по течению р. Илек под руководством проф[ессора] Козырева» и — ни много ни мало — составление археологической карты Киргизского края, на что заложили в смету расходов 285 рублей, однако эти мероприятия так и не состоялись [20, с. 299, 305].

В 1925 г. столицу КАССР перенесли из Оренбурга в Кзыл-Орду, что привело и к перемещению ОИКК (получившего название Общества изучения Казахстана), и к закономерному исчезновению из научной проблематики Общества оренбургской тематики. Таким образом, первое образованное в Оренбуржье в советский период научное общество, заявлявшее археологическую тематику, так и не смогло реализовать сколько-нибудь последовательную программу археологических исследований.

Оренбургское отделение Московского археологического института. Московский археологический институт (МАИ), функционировавший в 1907—1922 гг., представлял собой довольно специфическое образовательное учреждение. В дореволюционной России под археологией нередко подразумевали и археографические, и архивоведческие, и искусствоведческие исследования, а если учесть, что основателем и руководителем МАИ был археограф А. И. Успенский, то можно утверждать, что археологическое образование в этом вузе заметно уступало архивоведческому. Н. И. Платонова отмечает, что отношение к МАИ и его руководителям в обществе было настороженным, многие деятели науки отказались с ними сотрудничать. В то же время Успенскому удалось привлечь к преподавательской деятельности в институте В. А. Городцова (до 1915 г.), благодаря чему среди выпускников МАИ были такие известные археологи, как В. В. Гольмстен, П. С. Рыков, Д. Н. Эдинг, Ф. В. Баллод и др. [21, с. 201—202]. Особенностью Института являлось наличие филиалов в различных городах России — Витебске, Калуге, Воронеже, Смоленске, Нижнем Новгороде, Ярославле, Ростове [25, с. 103—104]. Интересно, что в большинстве публикаций, рассматривающих историю МАИ, в списке его филиалов не упоминается Оренбургское отделение. В настоящей статье эта историографическая «несправедливость» устраняется и вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные материалы.

Инициатива открытия отделения МАИ в Оренбурге принадлежала А. П. Чулошникову и А. Л. Мелкову. Эта идея нашла поддержку в МАИ: можно предположить, что руководителям вуза распространение образования в КАССР, к тому же с учетом сохранившейся организационной базы ОУАК (архив, музей, библиотека), могло представляться вполне перспективным начинанием. В «Положении об Оренбургском отделении Московского археологического института» говорилось: «Оренбургский археологический институт есть высшее учебное заведение, имеющее целью научную разработку археологии, археографии, этнографии и истории края, а равно и подготовку специалистов для работы в архивах, музеях, библиотеках, а также преподавателей истории и родоноведения» [2, л. 69—70]. В новообразованный вуз принимались лица со средним образованием; предполагалось 4-летнее обучение, при котором на четвертый год обучаемые должны были написать и защитить диссертацию. В отличие от столичного вуза в Оренбургском отделении МАИ было «временно» закрыто археографическое отделение, но вместо него считали возможным открыть отделение этнографическое. Кроме того, учреждение должно было приступить к научной работе «по собиранию, классификации и изучению материалов по этнографии, искусству, архивному делу, к созданию центральных и местных музеев и архивов, к производству археологических раскопок и к географическим и антропологическим обследованиям края» [2, л. 75].

Ректор МАИ А. И. Успенский в мае 1921 г. представил в Кирглавпрофобр свои соображения об организации образования в Оренбургском отделении МАИ [2, л. 75—76 об.]. Список преподаваемых в этом вузе дисциплин в целом соответствовал списку дисциплин в МАИ, и предполагалось, что основные и специальные курсы будут читать профессора МАИ и отчасти оренбургские сотрудники (расписаны кадры по 59 преподаваемым дисциплинам). Реальность оказалась гораздо прозаичнее амбициозного проекта Успенского.

10 мая 1921 г. состоялось первое заседание Совета преподавателей МАИ, на котором от головного вуза присутствовали А. И. Успенский, С. Н. Ташкин, И. Ф. Колесников, Н. М. Коробков, Иванов-Рождественский, от Кирнаркомпроса — А. П. Чулошников, А. Л. Мелков, С. М. Петров, В. В. Тележников, Л. Л. Курашкевич, А. А. Четыркина, Н. В. Мелкова [4, л. 1—2]. На этом и последующих заседаниях был определен кадровый состав лекторов, главным образом оренбургских, преподающих 20 из 59 озвученных в плане А. И. Успенского дисциплин. Каждому лектору предложили прочесть пробную лекцию перед оценочной комиссией в составе проректора и представителей Совета института и Кирглавпрофобра [4, л. 3], однако состоялись ли в действительности такие лекции, нам установить не удалось.

К декабрю 1921 г. в списке сотрудников Оренбургского отделения МАИ числилось 11 лекторов (А. Л. Мелков — проректор, К. К. Садовский, А. П. Гра, А. П. Лошкарев, Н. И. Бутовский, Н. В. Беневоленский, В. Я. Струминский, Н. А. Лебедев, Каршаубаев, Л. В. Лазова, Л. Л. Курашкевич), 2 научных сотрудника (И. И. Третьяков и А. В. Затаевич) и 8 служащих [5, л. 1]. В этом же списке фигурируют и приглашенные лекторы (А. И. Успенский, В. К. Заднепровский, Н. М. Коробков, В. М. Бардыгин), однако по архивным данным невозможно установить, проводились ли ими занятия, в расписании занятия по их предметам отсутствуют.

Еще летом 1921 г. Оренбургское отделение МАИ обратилось в Общество археологии, истории и этнографии при Самарском университете с просьбой о проведении лекций. Свои услуги предложили А. С. Башкиров, Н. С. Лыкошин и П. А. Преображенский. Последний в дальнейшем от преподавания отказался, сославшись на тяжелое состояние железнодорожного сообщения между Самарой и Оренбургом. В. В. Гольмстен отказалась от сотрудничества из-за загруженности полевыми работами по археологическому обследованию Самарской губернии [2, л. 3, 47]. В итоге единственным археологическим компонентом в образовании слушателей Оренбургского отделения была часть курса А. П. Чулошникова по истории киргизского (казахского) народа, посвященная древней истории Киргизского края [27].

Условия поступления были вполне щадящими: лица со средним образованием зачислялись действительными студентами, абитуриенты, не имеющие по тем или иным причинам документов об образовании, зачислялись после собеседования, а лица без среднего образования принимались в качестве вольных слушателей вплоть до собеседования [4, л. 5 об.]. В общей сложности в списках обучающихся Оренбургского отделения МАИ фигурируют 108 студентов, из них 48 обучались на археологическом факультете, 50 — на факультете истории искусств, 10 вольных слушателей посещали лекции обоих факультетов с целью выбора какого-то одного [5, л. 1]. Однако организационные трудности (нехватка специально оборудованных помещений, отсутствие учебных пособий, проблемы финансирования и т.д.) не располагали к нормальному функционированию вуза. Голод 1921—1922 гг. также сказался на его деятельности: в документах вуза читаем распоряжение выдать лекторам «по семи миллионов руб. или соответствующее количество пшеницы» [4, л. 18 об. — 19].

То же самое можно сказать и о научной деятельности Оренбургского отделения МАИ. По сути, единственным крупным научным деянием вуза стала публикация в его «Записках» монографии С. Н. Ташкина «Иногородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии».

В весеннем семестре 1922 г. зачеты были назначены на период с 15 мая по 1 июня, и было принято решение «прием новых студентов открыть и их зачислить, но права вступления в члены КОВУЗ до осени не давать» [2, л. 75]. Набор в итоге так и не состоялся, а летом 1922 г. Московский археологический институт был ликвидирован и включен в состав факультета общественных наук Московского университета. Так бесславно закончилась первая в Оренбуржье попытка организовать специализированное историко-археологическое образование.

Драма музея. Одним из результатов плодотворной деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии стало создание музея, в числе коллекций которого был достаточно объемный археологический фонд [13, прил. 7]. Преемником музея ОУАК стал Оренбургский музей, открытый 19 сентября 1919 г. в результате преодоления многочисленных организационных и финансовых трудностей времен Гражданской войны (об этом подробнее см.: [14, с. 33—36; 26, с. 52—59]). В 1921 г. в связи с вышеуказанными изменениями статуса Оренбурга музей получил наименование Центрального Краевого музея Кирреспублики, находившегося в ведении Кирнаркомпроса. Это административное мероприятие не устранило организационных проблем и даже породило новые: так, по данным Т. И. Тугай, в 1922 г. финотдел республики потребовал выдать все хранящиеся в музее ценности (включая археологические артефакты), и лишь подвижничество хранителя музея Л. Л. Курашкевича, добившегося в итоге от Академического центра Наркомпроса формулировки «Признать музеем общенаучного значения музей в Оренбурге», этого удалось избежать [26, с. 59]. Уже при новом заведующем, Г. И. Филипповиче, в 1923—1924 гг. коллекции музея, по замечанию краевой газеты «сваленные в кучу», были упорядочены, разделены по отделам и стали основой специальных выставок [14, с. 35—40].

Национальное размежевание, повлекшее перенос столицы КАССР из Оренбурга в Кызыл-Орду в 1925 г., стало причиной одной из самых драматичных страниц в истории музея — раздела музейных коллекций. В постановлении ВЦИК от 13 июля 1925 г. говорилось: «Краевой музей... сохранить за Казахским ЦИКом, обязав последний выделить Оренбургскому губисполкому экспонаты, характеризующие Оренбургскую губернию» [14, с. 41—42]. Это компромиссное решение на практике было реализовано весьма специфически. 24 июля 1927 г. была образована специальная комиссия по разделу коллекций музея, куда входили представители Казнаркомпроса и Оренбургского музея [7, л. 7—9]. Оренбургская сторона требовала сохранения в музее накопленных за предшествующие десятилетия экспонатов с территории исторической Оренбургской губернии и Северного Казахстана. Казахская сторона настаивала на том, что передаче Оренбургу подлежат экспонаты с территории Оренбургской губернии в границах 1927 г. при обязательном доказательстве их происхождения именно с этой территории. Было заявлено в числе прочего, что большинство экспонатов, на которые претендует Оренбург, «никакого отношения к Оренбургской губернии не имеет и во всяком случае ее не характеризует» [7, л. 8]. При этом экспонаты с территории входивших в дореволюционные границы губернии Башкирии, Троицка и Челябинска должны были быть переданы почему-то в Казахстан, хотя это административное образование к этим территориям имело еще меньше отношения, чем Оренбуржье в границах 1920-х годов. Исследователи отмечают, что даже при «казахстанском» сценарии в Оренбурге все равно должно было остаться до 90% коллекций. В реальности в течение 1928 г. в Казахстан передали экспонаты, по выражению казахской стороны «непосредственно относящиеся к истории, этнографии и культуре казахского

народа» [14, с. 44—45]. По подсчетам Д. А. Сафонова, в Оренбурге осталось 2594 предмета, или не более 10% музейного фонда [24, с. 11]. К тому же, как указано в музейном акте от 20 января 1929 г., в Оренбурге оставили предметы без надлежащей музейной проверки их состояния, в результате чего «Оренбургу перешло много предметов, а) уже пришедших в полную негодность, б) не имеющих краеведческого характера и в) даже не представляющих музейной ценности» [8, л. 39].

В числе предметов «громadного научного значения», оспариваемых оренбургскими и казахскими музейщиками, были серебряные ахеменидские фиалы из Прохоровского курганного могильника, найденные в 1911 г. кладоискателями [13, с. 91, 125—126], названные в переписке между музеями «сасанидскими блюдами». По итогам переговоров было принято некорректное с точки зрения сохранения целостности музейных фондов решение поделить коллекции — в Кзыл-Орду передали одно из блюд, второе осталось в Оренбурге, каждое из блюд сопровождалось фотографией второго. В. Ю. Зуев со слов Р. Б. Исмагилова утверждал, что фиала, известная как «чаша Атромитра», была из фондов Центрального музея Казахстана похищена [9, с. 597, 604]; Л. Т. Яблонским в его публикации материалов Прохоровки это мнение было опровергнуто [28].

В результате «музейного передела» фондам Оренбургского музея был нанесен значительный урон, который предстояло устранить в дальнейшем музейным работникам, в том числе и в сфере археологии. Лишь стараниями И. А. Зарецкого в 1920—1930-е и С. А. Попова в 1950—1970-е годы [10; 11] археологическая коллекция музея приобрела сформировавшийся вид.

Таким образом, в Оренбуржье, пережившем Гражданскую войну и ставшем центром национального размежевания первых лет советской власти, в первой половине 1920-х гг. обнаруживается интерес к археологической науке:

1) была сделана попытка организации профильного археологического образования в рамках Оренбургского отделения Московского археологического института. Однако дальше первых организационных шагов она не продвинулась;

2) археологическая деятельность декларировалась в качестве одной из профильных в работе Оренбургского общества изучения Киргизского края, но в силу финансовых и организационных трудностей практически не была реализована;

3) археологическое наследие (обусловленное деятельностью ОУАК) занимало важную часть в экспозиции местного краеведческого музея, однако национальное размежевание второй половины 1920-х годов крайне болезненно сказалось на сохранности музейных фондов Оренбурга.

В итоге потенциал археологической деятельности, имевшийся в первой половине 1920-х годов, не был реализован. Произошло это в первую очередь вследствие причин финансово-экономического порядка, ставших залогом организационных трудностей, не позволивших проводить в регионе археологические исследования на местной основе. Как следствие, изучение местной археологии в 1920—1930-е годы основывалось главным образом на деятельности приезжих ученых.

Работа выполнена при поддержке задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации и при поддержке проекта РФФИ «Древности» № 18-09-40031.

Список использованных источников и литературы

1. Ауетбаев А. А. П. Чулошников и подготовка к печати «Материалов по истории Башкирской АССР» // Ватандаш. 2018. № 9 (264). С. 40—47.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 68.
3. ГАОО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 69.
4. ГАОО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 70.
5. ГАОО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 71.
6. ГАОО. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 72.
7. ГАОО. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАОО. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 8.
9. Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М. : РОССПЭН, 2003. С. 580—604.
10. Евгеньев А. А. Сергей Александрович Попов и его вклад в изучение археологического наследия Южного Приуралья [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 4 (12). С. 112—119. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/13_12_2014.pdf.
11. Евгеньев А. А. «Надо продолжать путь». Археологическая деятельность в Оренбуржье Ивана Антоновича Зарецкого // Кадырбаевские чтения-2016 : материалы V Междунар. науч. конф. Актобе, 2016. С. 248—253.
12. Евгеньев А. А. Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3. Ч. 2. С. 413—418.
13. Евгеньев А. А. История оренбургской археологии. Т. 1 : XVIII век — начало XX века. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2018. 364 с.
14. Еремина Н. А. История музея. Оренбург : Печатный дом «Димур», 2006. 144 с.
15. Есеналина Ж. С. Взаимодействие научных обществ Западного Казахстана и Волго-Уральского региона во второй половине XIX — 30-е годы XX века. Актобе, 2008. 274 с.
16. Мелков А. Л. Заметки о курганах // Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург : Тип. М. Н. Махова, 1922. Вып. 2. С. 64—65.
17. Отчет о деятельности Общества изучения Киргизского края со дня открытия Общества (15-го октября 1920 г.) до 1 января 1921 года // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург : Тип. М. Н. Махова, 1921. Вып. 1. С. 99—110.
18. Отчет Общества изучения Киргизского края за 1922 год // Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1922. Вып. 3. С. 183—191.
19. Отчет Общества изучения Киргизского края за 1923 год // Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1925. Вып. 6 (т. 5, вып. 2): 1924 г. С. 1—4.
20. Отчет Общества изучения Киргизского края за 1924 год // Труды Общества изучения Казахстана (Киргизского края). Оренбург, 1925. Т. 6: 1925 г. С. 295—305.
21. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010. 314 с.
22. Попов А. [В.] Воспоминания о поч[етном] чл[ене] Оренб[ургской] уч[еной] Архивной Комиссии, ныне Общества изучения Киргизского края, Армане Петровиче Гра // Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1922. Вып. 3. С. 1—6.
23. Прищепова В. А. Сотрудничество А. Л. Мелкова с Обществом изучения Казахского края в 1920-е годы // Лавровский сборник: Этнология, история, археология, культурология (2012—2013). СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. С. 173—179.
24. Сафонов Д. А. Возвращение в Россию: судьба научных и культурных ценностей края // Оренбургский край : альманах Оренбургского краеведческого музея. Оренбург, 1994. Вып. 1. С. 9—11.
25. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М. : Ин-т археологии РАН, 2011. 588 с.
26. Тугай Т. И. Оренбургские краеведы в сохранении памятников истории и культуры (1917—1930 гг.). Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2016. 132 с.
27. Чулошников А. П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1 : Древнее время и средние века : лекции, читанные в Оренбургском отделении Московского археологического института в 1921 г. Оренбург : Киргизское гос. изд-во, 1924. 290 с.
28. Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М. : ТАУС, 2010. 384 с.

Поступила в редакцию 31.05.2019

Евгеньев Андрей Александрович, кандидат исторических наук
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: oren-arch@mail.ru

UDC 902 (470.56)

A. A. Evgenyev

Archeology in Orenburg region in the early 1920s

The article discusses the state of the study of archeology in the Orenburg region in the early 1920s, as well as the problems of archaeological activity of the Society for the Study of the Kyrgyz Region, historical and archaeological education within the Orenburg branch of the Moscow Archaeological Institute, the complexity of the division of museum funds after the transfer of the capital of the Kyrgyz KASSR from Orenburg. Previously unpublished archival materials were introduced into scientific circulation, characterizing the inconsistency and organizational difficulties of historical and archaeological research in the Southern Urals in the early 1920s.

Key words: archeology, history of archaeology, archaeological education, Moscow Archaeological Institute, Society for the Study of the Kyrgyz Region, Orenburg museum of local lore, Kyrgyz ASSR.

Evgenyev Andrey Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: oren-arch@mail.ru

References

1. Auetbaev A. A. P. Chuloshnikov i podgotovka k pechati "Materialov po istorii Bashkirskoi ASSR" [Chuloshnikov and prepress of "Materials on the history of the Bashkir ASSR"]. *Vatandash*, 2018, no. 9 (264), pp. 40—47. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. R-469. Op. 1. D. 68.
3. GAOO. F. R-469. Op. 1. D. 69.
4. GAOO. F. R-469. Op. 1. D. 70.
5. GAOO. F. R-469. Op. 1. D. 71.
6. GAOO. F. R-469. Op. 1. D. 72.
7. GAOO. F. R-2554. Op. 1. D. 2.
8. GAOO. F. R-2554. Op. 1. D. 8.
9. Zuev V. Yu. Sarmatskaya kontseptsiya M. I. Rostovtseva i Prokhorovskie kurgany [The Sarmatian Concept of M. I. Rostovtsev and the Prokhorov Barrows]. *Parfyanskii vystrel* [Parthian Shot]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, pp. 580—604. (In Russian)
10. Evgen'ev A. A. Sergei Aleksandrovich Popov i ego vklad v izuchenie arkheologicheskogo naslediya Yuzhnogo Priural'ya [Sergey A. Popov and his contribution to studying archaeological heritage of Southern Cisurals]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2014, no. 4 (12), pp. 112—119. Available at: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/13_12_2014.pdf. (In Russian)
11. Evgen'ev A. A. «Nado prodolzhat' put'». Arkheologicheskaya deyatelnost' v Orenburzh'e Ivana Antonovicha Zaretskogo ["We must continue the path." Archaeological activity of Ivan Antonovich Zaretsky in Orenburg region]. *Kadyrbaevskie chteniya-2016: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Kadyrbaev's readings-2016. Proceed. of the V Internat. sci. conf.]. Aktobe, 2016, pp. 248—253. (In Russian)
12. Evgen'ev A. A. Deyatel'nost' po izucheniyu arkheologicheskogo naslediya Orenburzh'ya Very Vladimirovny Gol'msten i ee uchениkov [Study of archaeological heritage of Orenburg region by V. V. Golmsten and her disciples]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 19, no. 3, part 2, pp. 413—418. (In Russian)

13. Evgen'ev A. A. *Istoriya orenburgskoi arkheologii. T. 1: XVIII vek — nachalo XX veka* [The history of Orenburg archeology. Vol. 1: XVIII century — early XX century]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2018. 364 p. (In Russian)
14. Eremina N. A. *Istoriya muzeya* [Museum History]. Orenburg, Dimur Publ., 2006. 144 p. (In Russian)
15. Esenalina Zh. S. *Vzaimodeistvie nauchnykh obshchestv Zapadnogo Kazakhstana i Volgo-Ural'skogo regiona vo vtoroi polovine XIX — 30-e gody XX veka* [The interaction of scientific societies of Western Kazakhstan and the Volga-Ural region in the second half of the XIX — 30s of the XX century]. Aktobe, 2008. 274 p. (In Russian)
16. Melkov A. L. *Zametki o kurganakh* [Notes on Barrows]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory]. Orenburg, Tip. M. N. Makhova Publ., 1922, is. 2, pp. 64—65. (In Russian)
17. *Otchet o deyatelnosti Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja so dnya otkrytiya Obshchestva (15-go oktyabrya 1920 g.) do 1 yanvarya 1921 goda* [Report on the activities of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory from the day of the opening of the Society (October 15, 1920) until January 1, 1921]. *Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Orenburg Society for the Study of the Kyrgyz Territory]. Orenburg, Tip. M. N. Makhova Publ., 1921, is. 1, pp. 99—110. (In Russian)
18. *Otchet Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja za 1922 god* [Report of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory over 1922]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory], 1922, is. 3, pp. 183—191. (In Russian)
19. *Otchet Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja za 1923 god* [Report of the Society for the Study of the Kyrgyz Region over 1923]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory], 1925, is. 6 (vol. 5, is. 2): 1924, pp. 1—4. (In Russian)
20. *Otchet Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja za 1924 god* [Report of the Society for the Study of the Kyrgyz Territory over 1924]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kazakhstana (Kirgizskogo kraja)* [Works of the Society for the Study of Kazakhstan (Kirgiz Territory)]. Orenburg, 1925, vol. 6: 1925, pp. 295—305. (In Russian)
21. Platonova N. I. *Istoriya arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka* [The history of archaeological thought in Russia. The second half of XIX — the first third of the XX century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010. 314 p. (In Russian)
22. Popov A. [V.] *Vospominaniya o poch[etnom] chl[ene] Orenb[urgskoi] uch[enoi] Arkhivnoi Komissii, nyne Obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja, Armane Petroviche Gra* [Memories of the honorary member of the Orenburg Academic Archival Commission, now the Society for the Study of the Kyrgyz Territory, Arman Petrovich Gra]. *Trudy Obshchestva izucheniya Kazakhstana (Kirgizskogo kraja)* [Works of the Society for the Study of Kazakhstan (Kirgiz Territory)]. Orenburg, 1922, is. 3, pp. 1—6. (In Russian)
23. Prishchepova V. A. *Sotrudnichestvo A. L. Melkova s Obshchestvom izucheniya Kazakhskogo kraja v 1920-e gody* [Cooperation of A. L. Melkov with the Society for the Study of the Kazakh Territory in the 1920s]. *Lavrovskii sbornik: Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya (2012—2013)* [Lavrov Collection: Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies (2012—2013)]. St. Petersburg, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN Publ., 2013, pp. 173—179. (In Russian)
24. Safonov D. A. *Vozvrashchenie v Rossiyu: sud'ba nauchnykh i kul'turnykh tsennostei kraja* [Return to Russia: the fate of scientific and cultural values of the region]. *Orenburgskii kraj: al'manakh Orenburgskogo kraevedcheskogo muzeya* [Orenburg region: the almanac of the Orenburg museum of local lore]. Orenburg, 1994, is. 1, pp. 9—11. (In Russian)
25. Smirnov A. S. *Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX — nachala XX veka)* [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire (essays on the institutional history of science of the XIX — early XX century)]. Moscow, In-t arkheologii RAN Publ., 2011. 588 p. (In Russian)
26. Tugai T. I. *Orenburgskie kraevedy v sokhranении pamyatnikov istorii i kul'tury (1917—1930 gg.)* [Orenburg ethnographers preserving historical and cultural monuments (1917—1930)]. Orenburg, OOO IPK "Universitet" Publ., 2016. 132 p. (In Russian)
27. Chuloshnikov A. P. *Ocherki po istorii Kazak-Kirgizskogo naroda v svyazi s obshchimi istoricheskimi sud'bami drugikh tyurkskikh plemen. Ch. 1: Drevnee vremya i srednie veka: leksii, chitannye v Orenburgskom otdelenii Moskovskogo arkheologicheskogo instituta v 1921 g.* [Essays on the history of the Cossack-Kyrgyz people in connection with the common historical fate of other Turkic tribes. Part 1: Ancient times and the Middle Ages: lectures delivered in the Orenburg branch of the Moscow Archaeological Institute in 1921]. Orenburg, Kirgizskoe gos. izd-vo Publ., 1924. 290 p. (In Russian)
28. Yablonskii L. T. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoi arkheologii* [Prokhorovka: at the dawn of Sarmatian archeology]. Moscow, TAUS Publ., 2010. 384 p. (In Russian)